



10. 7
910

НАШИ ВОЕННО-ПЛѢННЫЕ

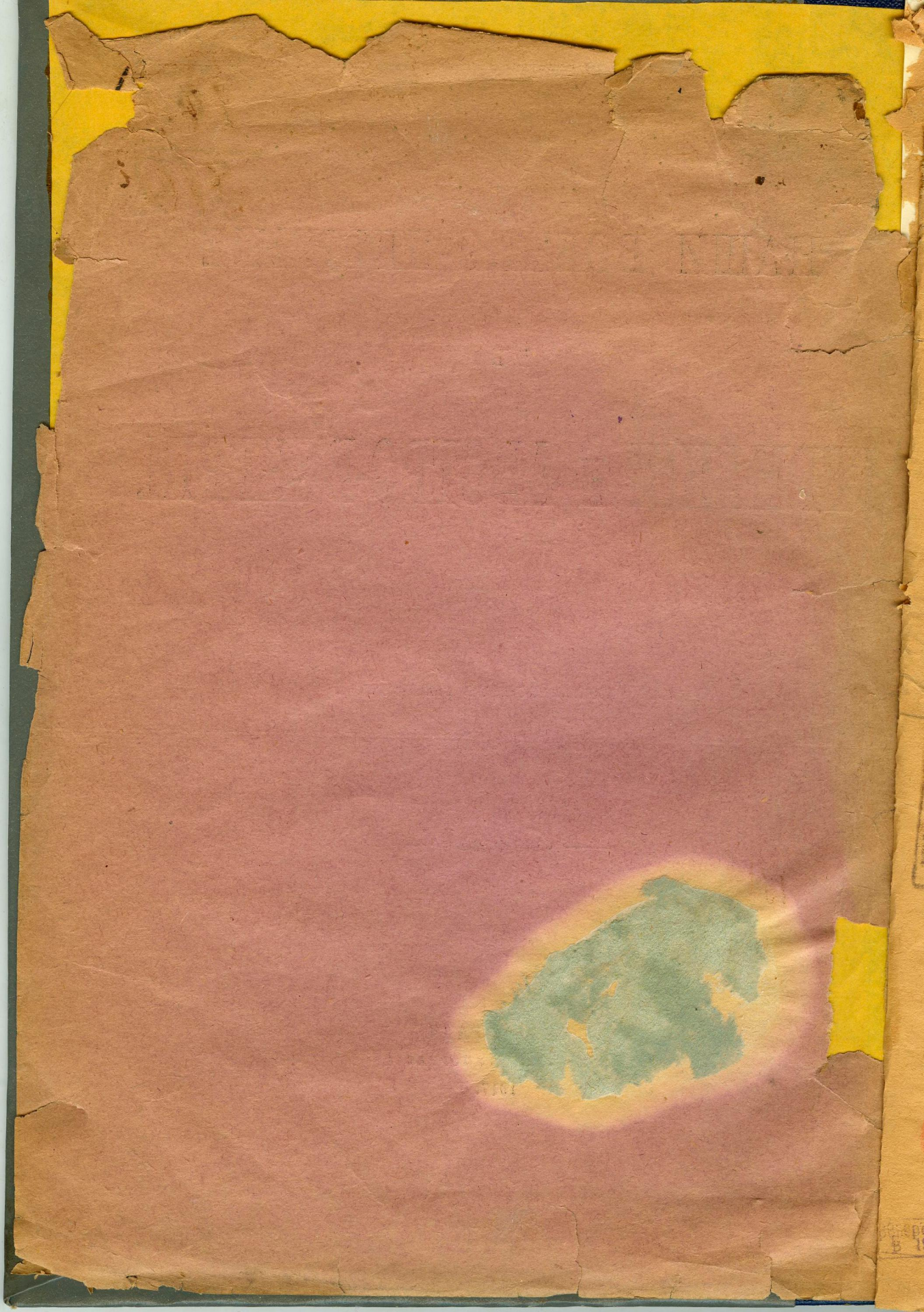
ВЪ

ГЕРМАНИИ И АВСТРО-ВЕНГРИИ.

(По дополнительнымъ свидѣнiямъ).

1917
516 +

ПЕТРОГРАДЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1917.



чайная Слѣдственная Коммисія.

10. I
910 i

НАШИ ВОЕННО-ПЛѢННЫЕ

ВЪ

ГЕРМАНИИ И АВСТРО-ВЕНГРИИ.

(По дополнительнымъ свидѣнiямъ).



1917

516

ПЕТРОГРАДЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1917.

64
В 1930

64

210
10.1

НАШЕ БОЕНО-ПОЛЕ

ЛЕВАНТИН И АРСТО-БЕЛТИН

210

12.1
210

Центр.
ХН.
210
1. Н. К. 13р.

ВВЕДЕНІЕ.

Первый гуманный проект международных правил для воюющихъ странъ относительно военнопленныхъ былъ предложенъ просвѣщеннымъ бельгійцемъ г. Эд. Ромбергомъ на конгрессѣ, посвященномъ актамъ благотворительной дѣятельности во время войны. Это имѣло мѣсто въ Парижѣ въ 1889 году во время всемірной выставки. Но обсужденіе обязательности для воюющихъ сторонъ основныхъ положеній о военнопленныхъ возымѣло свое значеніе впервые на «Мирной Конференціи» 1899 г., посвященной общему обсужденію законовъ и обычаевъ сухопутной войны.

По свидѣтельству профессора международного права Парижскаго университета г. Луи Рено, именно нашему соотечественнику, покойному Ф. Ф. Мартенсу, въ качествѣ предѣдателя Экспертной Комиссіи принадлежитъ честь искуснаго проведенія въ Конференціи вопроса о военнопленныхъ и юридическая обработка основныхъ положеній гуманнаго проекта, отвергнутаго въ 1874 году въ Брюсселѣ, но принятаго на этотъ разъ въ Гаагѣ. Самая идея о возможности какихъ-либо жестокостей по отношенію къ пленнымъ въ видѣ мщенія, или по праву сильного надъ беззащитнымъ, отнынѣ считалась исключенною. Все сводилось къ принципу возможной справедливости: обезоруженный пленникъ лишь долженъ быть поставленъ въ условія, исключаяющія для него возможность вредить въ дальнѣйшемъ воюющей сторонѣ, захватившей его въ пленъ, но самое несчастіе его должно пользоваться признаніемъ и уваженіемъ.

На Гаагской конференціи въ подробностяхъ не были разработаны всѣ правила относительно военнопленныхъ, но казалось незыблемо установленнымъ, что всѣ правила, издающіяся по этому поводу той или другой страной, должны строго соответствовать основнымъ положеніямъ, принятымъ въ 1899 году.

Любопытно отмѣтить, что въ странѣ, гордящейся своимъ организаторскимъ талантомъ, именно въ Германіи, не было вовсе издано по этому предмету никакихъ правилъ въ видѣ общаго наказа подлежащимъ властямъ. Причина теперь ясна и понятна. Очевидно имѣлось въ виду сохранять свободу выбора того, или другого направленія въ дѣятельности лицъ и учреждений, приставленныхъ къ этому дѣлу.

Во Франціи, наоборотъ, уже въ 1893 году было издано общее положеніе о военноплѣнныхъ, проникнутое либеральными началами абсолютной гуманности.

Во время текущей войны контрастъ въ приемахъ обращенія съ военноплѣнными въ этихъ двухъ странахъ оказался особенно разительнымъ. Франціи лишь послѣ долгихъ колебаній, внимая голосу настоятельной необходимости, пришлось прибѣгнуть къ тому международному директиву, на которомъ, по мнѣнію германцевъ, исключительно покоится санкція международного права.

Профессоръ Рено въ своемъ предисловіи къ офиціальному французскому изданію, посвященному сравнительному обзору положенія нѣмецкихъ плѣнныхъ во Франціи и французскихъ въ Германіи *), приводитъ любопытную выдержку изъ приказа Германскаго Главнаго Штаба, содержащую въ себѣ истолкованіе предѣловъ обязательности постановленій международныхъ соглашеній.

Вотъ что можно прочесть въ этомъ своеобразномъ приказѣ, опубликованномъ въ самомъ началѣ войны: «Не слѣдуетъ разумѣть подъ словами «право войны» какой либо писанный законъ, обязательный въ силу международныхъ трактатовъ, а только взаимныя соглашенія, соблюденіе коихъ не гарантируется никакой санкціей, кромѣ страха репрессій». Самая идея объ обязательной нравственности отвергнута начисто; только учетомъ возможныхъ репрессій должна руководиться воюющая сторона. Торжеству сильнаго оставлялось выявиться во всей безчеловѣчной наготѣ. Когда Германія и по отношенію къ французскимъ мирнымъ и военнымъ плѣнникамъ стала систематически примѣнять исповѣдуемые

*) «Le regime des prisonniers de guerre en France et en Allemagne en regard des conventions internationales». Paris 1916.

ею принципы, французское правительство вынуждено было заговорить о репрессіяхъ по отношенію къ плѣннымъ нѣмцамъ. Эта угроза, на ряду съ настойчивыми протестами разныхъ благотворительныхъ обществъ, французскихъ и нейтральныхъ, обществъ Краснаго Креста и дѣятельности испанскаго и американскаго посольствъ въ Берлинѣ по неослабной инспекціи лагерей французскихъ военноплѣнныхъ въ Германіи, по словамъ проф. Рено, возымѣла нѣкоторое дѣйствіе. Достигнуты кое-какія улучшенія для военноплѣнныхъ французовъ, причемъ къ сколько нибудь суровымъ мѣрамъ по отношенію къ плѣннымъ Франція не прибѣгала.

О положеніи русскихъ военноплѣнныхъ въ Германіи и Австріи, которое, по свѣдѣніямъ Комиссіи, остается весьма плачевнымъ и о которомъ какъ-то мало до сихъ поръ думали въ Россіи, можно составить себѣ представленіе по страницамъ, которыя за симъ слѣдуютъ, такъ какъ въ нихъ идетъ рѣчь о самыхъ трагичныхъ моментахъ въ жизни русскихъ плѣнныхъ. Подъ страхомъ истязаній и разстрѣла насиловали ихъ воинскую совѣсть, воинскую честь и естественное чувство любви къ родинѣ, принуждая ихъ работать для военныхъ цѣлей противъ своихъ же братьевъ и союзниковъ. Нарушеніе принциповъ не только международнаго, но и естественнаго права въ этомъ сказалось уже съ чудовищнымъ цинизмомъ.

Составъ Комиссіи:

Предсѣдатель, Кандидатъ правъ,

Присяжный Повѣренный *Н. П. Карабчевскій.*

Члены:

Членъ Государственнаго Совѣта по выборамъ *И. А. Шебеко.*

Членъ Государственной Думы *Е. П. Ковалевскій.*

Членъ Петроградской Судебной Палаты *В. Д. Олышевъ.*

Прикомандированный къ Штабу Верховнаго

Главнокомандующаго *С. Д. Боткинъ.*

Членъ Одесскаго Военно-окружнаго Суда *А. И. Сьмашко.*

Судебный Слѣдователь по особо-важнымъ

дѣламъ округа Петроградскаго Окружнаго Суда *Н. А. Машкевичъ.*

Русскіе плѣнные и военныя работы въ Германіи и Австріи.

Грустныя вѣсти о томъ, какъ живетъ нашимъ плѣннымъ въ Германіи и Австріи, продолжаютъ приносить возвращающіеся на родину инвалиды и бѣжавшіе изъ плѣна. Съ ихъ словъ писалось и говорилось много; полная страданій, мукъ, голода, холода и другихъ тяжелыхъ испытаній жизнь нашихъ плѣнныхъ хорошо извѣстна.

За послѣднее время количество бѣжавшихъ изъ непріятельскаго плѣна значительно увеличилось. Подтверждая во всѣхъ подробностяхъ все то, что мы уже знаемъ о жизни нашихъ плѣнниковъ въ Германіи и Австріи, возвращающіеся нынѣ на родину съ истощающею полнотою обрисовываютъ наиболѣе тяжелую сторону плѣна.

Тяжелая сторона плѣна, о которой главнымъ образомъ въ настоящее время свидѣлствуютъ многочисленные допрошенные въ Чрезвычайной Слѣдственной Комисіи бѣжавшіе изъ вражескаго плѣна нижніе чины и возвращенные на родину инвалиды, это примѣненіе труда военноплѣнныхъ къ работамъ, имѣющимъ военное значеніе.

Согласно признанному всѣми цивилизованными народами положенію международнаго права, плѣнные могутъ быть употреблены на работы съ цѣлью покрыть часть расходовъ на ихъ содержаніе, производимыхъ государствомъ, во власти котораго они находятся, но вмѣстѣ съ тѣмъ законы войны запрещаютъ принуждать военноплѣнныхъ къ поступленію на военную службу государства, гдѣ они удерживаются, или примѣнять ихъ трудъ къ работамъ, имѣющимъ военно-оборонительное значеніе, направленнымъ ко вреду ихъ отечества, или къ усиленію воинской мощи врага.

Это требованіе международнаго права, какъ и многія другія, игнорируется германцами и австрійцами. Въ началѣ войны случаи примѣненія труда плѣнныхъ къ военнымъ работамъ бывали рѣже, но когда резервы внутри непріятельскихъ странъ стали изсякать, когда на фронтъ было послано все, что въ состояніи носить оружіе, Германія и Австрія обра-

тились къ труду плѣнныхъ и широко пользуются имъ не только на заводахъ, изготовляющихъ оружіе, снаряды, патроны, динамитъ и удушливые газы, но и на боевомъ фронтѣ, заставляя плѣнныхъ рыть окопы, устраивать искусственныя загражденія, наводить понтонныя мосты, подносить къ позиціямъ патроны, снаряды и пищевые продукты и даже служить въ обозахъ. Протесты русскаго правительства противъ незаконнаго образа дѣйствій оставались безъ послѣдствій, или въ лучшемъ случаѣ вызывали отвѣты, въ которыхъ голословно отрицался фактъ примѣненія труда военноплѣнныхъ къ работамъ военнаго значенія.

А между тѣмъ вотъ дословный переводъ приказа австрійскаго военнаго министра отъ Августа 1915 г.: «Военноплѣнными надлежитъ пользоваться также и для производства работъ военно-оборонительнаго характера. Военноплѣнные сначала приглашаются исполнить таковыя за денежное вознагражденіе. Въ отношеніи тѣхъ, кои не пожелаютъ добровольно откликнуться на предложеніе, должны быть использованы всѣ мѣры убѣжденій, а въ случаѣ ихъ недѣйствительности—угрозы съ объясненіемъ тяжкихъ послѣдствій отказа. Наиболѣе упорствующіе наказываются соответствующимъ числомъ палочныхъ ударовъ и подвѣшиваніемъ къ столбу до тѣхъ поръ, пока они не согласятся работать. Тѣ плѣнные, которые своимъ примѣромъ и устнымъ воздѣйствіемъ вызовутъ среди товарищей открытое возмущеніе или упорное пассивное сопротивленіе, могутъ быть разстрѣлены».

Примѣненіе труда плѣнныхъ къ военнымъ работамъ въ Австріи подтверждается и инструкціей, которую видѣлъ и читалъ вернувшійся нынѣ изъ плѣна вольноопредѣляющійся рядовой 84-го Ширванскаго полка Василій Ивановъ Воцинскій. Въ этой инструкціи указано, какъ должно обращаться съ плѣнными на военныхъ работахъ на полѣ битвы и въ крѣпостяхъ на итальянскомъ фронтѣ. «Въ случаѣ отказа военноплѣнныхъ отъ работъ», говорится въ инструкціи, «надлежитъ сначала дѣйствовать убѣжденіями, указывая, что работы эти направлены не непосредственно противъ Россіи, а противъ итальянцевъ и что въ работахъ этихъ нельзя усматривать измѣну присягѣ; если убѣжденія не подѣйствуютъ, отказывающіеся должны быть подвѣшены и лишены пищи въ теченіе трехъ дней, послѣ чего при дальнѣйшемъ отказѣ упорствующіе подлежатъ разстрѣлу на глазахъ другихъ плѣнныхъ».

По показанію рядового 56 Сибирскаго стрѣлковаго полка Василя Федотова Мещерякова, въ лагерѣ Хайбергъ-Баденъ, послѣ отбытія перваго отряда русскихъ сестеръ милосердія, посѣтившихъ лагерь, повсюду были развѣшены отпечатанные на русскомъ языкѣ приказы, въ кото-

рыхъ доводилось до свѣдѣнія русскихъ плѣнныхъ, что послѣдніе не должны отказываться отъ военныхъ работъ, такъ какъ они временно состоятъ въ германскомъ подданствѣ и должны исполнять всѣ приказанія начальства.

То же подтвердилъ подпрапорщикъ 24-го Сибирскаго стрѣлковаго полка Андрей Измайловъ Дождиковъ, удостовѣрившій при допросѣ въ Чрезвычайной Слѣдственной Комисіи, что въ лагерѣ, въ которомъ онъ содержался, было вывѣшено объявленіе на русскомъ языкѣ, которое гласило: «Многіе русскіе военноплѣнные отказываются отъ работъ военного характера подъ тѣмъ предлогомъ, что ихъ по возвращеніи въ Россію ждетъ разстрѣлъ. Между тѣмъ сестра милосердія Самсонова, на запросъ «по этому поводу германскихъ властей, отозвалась полнымъ незнаніемъ о «существованіи такого закона. Въ виду того, согласно международному «справу, германское правительство считаетъ своимъ долгомъ разъяснить, «что только тѣ военноплѣнные, которые будутъ помогать врагамъ своего «отечества съ оружіемъ въ рукахъ, подлежатъ разстрѣлу по приговору «отечественныхъ властей по окончаніи войны».

Д-ръ Крессонъ, работавшій въ качествѣ плѣннаго врача въ русскомъ отдѣленіи 129-го германскаго лазарета въ Ковно, сталъ наблюдать въ концѣ 1915 г. поступленіе въ лазаретъ значительнаго количества русскихъ плѣнныхъ, получившихъ разнообразныя поврежденія на военныхъ работахъ—при рытьѣ окоповъ, возведеніи искусственныхъ загражденій, службѣ во 2-омъ германскомъ обозѣ и т. п. Среди раненыхъ были люди, получившіе раненія при обстрѣлѣ русской артиллеріей работъ по наводѣ германцами понтонныхъ мостовъ у города Двинска, къ каковымъ работамъ плѣнные принуждались угрозой разстрѣла.

Въ дѣлахъ Чрезвычайной Слѣдственной Комисіи имѣется письмо капрала 5-го французскаго инженернаго полка Андре отъ 12 Декабря 1915 г. на имя проживающей въ Петроградѣ Г-жи М. Въ этомъ письмѣ Андре сообщаетъ, между прочимъ, что однимъ изъ его товарищей по полку былъ взятъ въ плѣнъ русскій солдатъ, высланный германцами для рѣзки проволочныхъ загражденій, возведенныхъ французами. Андре кончаетъ свое письмо справедливымъ замѣчаніемъ: «при такихъ условіяхъ немногіе изъ этихъ несчастныхъ избѣгутъ смерти».

Проживающій въ Швейцаріи Г. Декорзентъ писалъ посланнику въ Бернѣ слѣдующее:

«6-го числа текущаго мѣсяца во Франціи возвращалась партія французскихъ бѣженцевъ изъ департамента Маасъ. Вотъ что нѣкоторые бѣженцы рассказывали во время остановки поѣзда на станціи Фрейбургъ

«и что я слышалъ собственными ушами. Близъ Этена находится около 500 русскихъ плѣнныхъ, которыхъ германцы принуждаютъ рыть траншеи. Эти несчастные одѣты въ лохматя, босы; имъ даютъ лишь супъ изъ свекольника. Всѣ плѣнные, бывшіе ранѣе видными и здоровыми молодцами, представляютъ собою въ настоящее время движущіеся скелеты. Всѣ они стали стариками вслѣдствіе мучительныхъ лишений и жестокаго съ ними обращенія. Жители—французы, видѣвшіе ихъ страданія—полны жалости къ нимъ, они хотѣли-бы облегчить ихъ тяжелое положеніе, готовы братски дѣлиться съ ними хлѣбомъ и скудными припасами, но германскія власти жестоки къ каждому, кто пытается облегчить невыносимо тяжелую участь Вашихъ соотечественниковъ: тотъ, кто желалъ дать имъ деньги, пищу или одежду—немедленно подвергался наказанію штрафомъ и тюрьмой. Къ животнымъ и то относятся лучше и человѣчнѣе. Къ физическимъ страданіямъ присоединяются и нравственные пытки, такъ какъ русскимъ плѣннымъ, прикованнымъ къ тяжелой работѣ на французскомъ фронтѣ, запрещаютъ писать письма своимъ роднымъ».

Едва-ли въ виду приведенныхъ свидѣтельствъ можно вѣрить австро-германскимъ заявленіямъ, что пользованіе трудомъ плѣнныхъ для военныхъ работъ является «неслыханно грубымъ нарушеніемъ самыхъ элементарныхъ правилъ международнаго права», *ими никогда не допускаемымъ*.

Единогласнымъ показаніемъ всѣхъ допрошенныхъ въ Чрезвычайной Слѣдственной Коммисіи бѣжавшихъ изъ плѣна и вернувшихся инвалидовъ установлено также, что германскія и австро-венгерскія власти, отправляя партіи военноплѣнныхъ изъ концентраціонныхъ лагерей на военные работы, стараются маскировать свои распоряженія. На вопросъ плѣнныхъ, куда именно и на какія работы ихъ высылаютъ, плѣнные получаютъ неизмѣнно одинъ и тотъ-же отвѣтъ, что ихъ везутъ на сельскохозяйственныя работы въ помѣщичьихъ и крестьянскихъ усадьбахъ, и лишь на мѣстѣ назначенія плѣнные впервые узнаютъ о дѣйствительной цѣли ихъ отправки.

Опасаясь встрѣтить отказъ плѣнныхъ въ многотысячныхъ лагеряхъ, гдѣ такой отказъ могъ бы вызвать въ виду многочисленности отказывающихся нежелательныя, а быть можетъ и опасныя послѣдствія, враги наши предпочитаютъ разбивать плѣнныхъ на болѣе мелкія партіи, въ которыхъ всякая попытка къ активному или пассивному сопротивленію можетъ быть прекращена легко и быстро въ самомъ ея зародышѣ.

Затруднительно было-бы перечислить и указать всѣ виды работъ, которыя по характеру своему должны быть причислены къ военнымъ и къ

исполненію которыхъ враги привлекають нашихъ плѣнныхъ. Достаточно остановиться на наиболѣе выдающихся и наиболѣе часто примѣняемыхъ, чтобы составить себѣ ясное представленіе о томъ, съ какою жестокою послѣдовательностью германцы и австрійцы эксплуатируютъ рабочую силу плѣнныхъ въ нарушеніе основного принципа международного и естественнаго права.

Работы на заводахъ и фабрикахъ.

Русскіе плѣнные, партіями въ 200—1000 и болѣе человекъ, высылаются изъ концентраціонныхъ лагерей на металлургическіе заводы, гдѣ имъ поручаются наиболѣе тяжелыя и грязныя работы. Такъ на заводѣ Эйсселлеровскаго союза горнопромышленниковъ въ Альсдорфѣ, изготовлявшемъ для Крупна бензинъ и удушливые газы, было занято до 1200 русскихъ плѣнныхъ, на обязанности которыхъ было подносить и подвозить къ заводу все необходимое для производства сырье. На другихъ заводахъ плѣнныхъ заставляли первоначально собирать и выносить изъ заводскихъ помѣщеній мусоръ, а затѣмъ постепенно переводили на другія работы, требовавшія спеціальныхъ знаній и подготовки.

Плѣнные, отказывающіеся отъ работъ, подвергаютъ себя разнообразнымъ истязаніямъ и мученіямъ, до разстрѣла включительно. Въ Іюль 1915 года, нынѣ вернувшійся на родину, ефрейторъ 21-го Сибирскаго стрѣлковаго полка Ефимъ Романовъ Мельничукъ былъ въ числѣ ста человекъ отправленъ изъ лагеря Фридрихсфельдъ въ Рейнгаузъ, на заводъ Крупна. Узнавъ, что заводъ изготовляетъ предметы обороны, плѣнные отказались приступить къ работѣ. Когда убѣжденія и угрозы не помогли, германцы вывели плѣнныхъ на заводскій дворъ и продержали до вечера въ строю подъ палящими лучами солнца безъ пищи и воды; многіе, доведенные до полного изнеможенія, сдались, упорствующихъ же избили такъ жестоко, что нѣкоторыхъ избитыхъ пришлось немедленно отнести въ лазаретъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ плѣнныхъ увѣряли, что заводъ не участвуетъ въ работахъ на оборону, а исключительно изготовляетъ желѣзную проволоку для мирныхъ цѣлей. Простоявъ болѣе сутокъ на солнцѣ безъ пищи и питья и довѣряя увѣреніямъ заводской администраціи о дѣйствительномъ назначеніи завода, плѣнные встали на работу и въ теченіе двухъ недѣль лишь носили изъ складовъ желѣзо

и чугуны. Случайно найденный одним из пленных на заводском дворе стакан от шрапнельного снаряда открыл им глаза и пленные забастовали. Жестокие побои палками и прикладами заставили некоторых возобновить работу. Мельничуку и рядовому 6 артиллерийской бригады Тягунову, решившим не подчиняться, было приказано без фуражек стоять на солнцепекѣ. Первые три дня Мельничукъ и Тягуновъ стояли на землѣ заводскаго двора, а послѣдующіе—на раскаленной солнечными лучами грудѣ чугуна. Въ теченіе дня не разрѣшалось не только присѣсть, но даже смѣнить ногу и всякая попытка измѣнить положеніе усталого тѣла вызывала ударъ прикладомъ. Пищу давали два раза въ день въ самомъ незначительномъ количествѣ: не болѣе двухъ ложекъ супа и куска мяса, величиною въ грецкій орѣхъ. Чтобы усилить муки голода передъ Мельничукомъ и Тягуновымъ, для соблазна, ставили миску съ дымящимся супомъ и клали хлѣбъ. Тягуновъ вынесъ испытаніе пять дней и, совершенно обезсиленный, — уступилъ, Мельничукъ, оставшійся непреклоннымъ, на седьмые сутки упалъ, лишившись сознанія, и былъ затѣмъ отправленъ на желѣзнодорожную станцію для разгрузки вагоновъ съ коксомъ.

Партію русскихъ пленныхъ, по свидѣтельству ефрейтора 117 Ярославскаго полка Семена Иванова Кучерова, въ концѣ Декабря 1915 г. привезли на заводъ въ Дрангольцъ и первые дни заставили убирать и выносить мусоръ, а затѣмъ перевели въ снаряжное отдѣленіе. Не желая принимать участіе въ работахъ, имѣющихъ военное значеніе, пленные отказались отъ нея и были жестоко наказаны: ихъ раздѣли до рубахи и держали, не смотря на значительный холодъ, трое сутокъ подъ открытымъ небомъ безъ всякой пищи.

Партію пленныхъ, въ числѣ которыхъ былъ рядовой 94 Енисейскаго полка Андрей Федоровъ Бобровъ, привезли въ Аахенъ на желѣзнодорожный заводъ. Зная, что заводъ работаетъ на оборону, пленные отказались отъ работъ и были за это избиты прикладами и палками; многіе получили тяжкіе ушибы и поврежденія, многіе были избиты до потери сознанія. Жестокая расправа не имѣла однако успѣха: пленные не измѣнили своего рѣшенія. Тогда немцы подвергли ихъ новому, весьма мучительному, по словамъ Боброва, наказанію: каждого по одиночкѣ ставили на 20—30 минутъ подъ душъ ледяной воды и прекращали истязаніе, когда пленный синѣлъ и коченѣлъ отъ холода. Видя, что и эта мѣра не можетъ заставить пленныхъ стать на работу, германцы перевели всю партію въ Салдау, гдѣ арестовали на тридцать сутокъ съ лишеніемъ пищи въ теченіе первыхъ пяти дней ареста.

Ефрейторъ 4 Сибирскаго стрѣлковаго полка Иванъ Корнѣевъ Слободчиковъ, въ послѣдствіе бѣжавшій изъ плѣна и вернувшійся на родину, былъ въ числѣ другихъ доставленъ въ Штейнгардтъ, гдѣ его поставили на заводъ, изготовлявшій артиллерійскіе снаряды. Туда-же для той же цѣли было привезено нѣсколько плѣнныхъ французовъ и англичанъ. Отказавшихся отъ работъ, среди которыхъ былъ и Слободчиковъ, заперли въ карцеръ и въ сутки давали лишь по ломтику хлѣба. Когда измученные голодомъ арестованные криками отчаянія молили о кускѣ хлѣба или просили воды, германскіе часовые пріоткрывали дверь карцера, вставляли въ щель брандспойтъ и обдавали несчастныхъ струей холодной воды, послѣ чего дверь снова запиралась на замокъ.

10 Февраля 1915 года партія плѣнныхъ изъ лагеря Пархимъ была отправлена на одинъ изъ судостроительныхъ заводовъ. Нѣкоторые плѣнные отказались отъ работъ и въ наказаніе за ослушаніе были опущены въ погруженный въ воду кессонъ. Пять дней плѣнные, лишённые всякой пищи, коченѣя отъ холода, пробыли въ этой своеобразной тюрьмѣ и, не будучи болѣе въ состояніи выносить страданія, уже теряя сознаніе, согласились работать. Лишь шестнадцать человекъ, съ рядовымъ 119 Коломенскаго полка Алексѣемъ Анисимовымъ Сикунковымъ во главѣ, рѣшили лучше умереть, чѣмъ измѣнить присягѣ и заявили, что на работу не выйдутъ. Совершенно обезсиленныхъ отъ голода ихъ вынули изъ кессона и отправили на работу по укрѣпленію песковъ, откуда Сикункову удалось бѣжать и вернуться въ Россію.

Въ Ноябрь 1916 г. пять русскихъ плѣнныхъ нижнихъ чиновъ за отказъ отъ работъ на снарядномъ заводѣ въ г. Ванъ были на двадцать минутъ загнаны въ горячую печь, гдѣ просушивались глиняныя формы для отливки различныхъ машинныхъ частей. Жара въ печи была нестерпимая; несчастные были извлечены изъ нея въ безсознательномъ состояніи и съ трудомъ приведены въ чувство. Объ этомъ жестокомъ наказаніи свидѣлствуетъ подвергшійся ему рядовой 443 Харьковской дружины Пантелеймонъ Петровъ Литвиненко.

По показанію старшаго унтеръ-офицера 14-го Сибирскаго стрѣлковаго полка Александра Романова Ляусова, въ Декабрѣ 1915 г. изъ числа плѣнныхъ въ лагерѣ Ванъ было выдѣлено около ста человекъ, которыхъ пригнали на заводъ, изготовлявшій динамитъ. Плѣнные отъ работъ отказались. Ихъ заперли въ баракъ, лишили пищи и въ продолженіе трехъ дней ежедневно спрашивали, согласны-ли они стать на работу и, въ виду категорическаго ихъ отказа, избивали кулаками, палками и прикладами. Не будучи въ состояніи сломить упорство плѣнныхъ, гер-

манцы отправили ихъ въ штрафной баракъ и подчинили строжайшему тюремному режиму.

Рядовой 225 пѣхотнаго Ливонскаго полка Ефремъ Никитинъ Голицинъ за отказъ отъ работъ на заводѣ, изготовлявшемъ артиллерійскіе снаряды, былъ избитъ до полной потери сознанія и отнесенъ въ лазаретъ, гдѣ оставался продолжительное время.

Сорокъ человекъ русскихъ плѣнныхъ, въ томъ числѣ рядовой 209 Богородицкаго полка Николай Мартыновъ Трофимовъ, отправленные на металлургическій заводъ въ Карлсруэ, по прибытіи на мѣсто, впервые узнали, что трудъ ихъ будетъ использованъ на изготовленіе ружейныхъ патроновъ и отточку штыковъ. Плѣнные заявили, что нѣтъ силы, которая заставила бы ихъ исполнять подобную работу. На этотъ разъ власти ограничились арестомъ на тридцать сутокъ съ уменьшеніемъ порціи ежедневно выдаваемой пищи.

Содержащихся въ Будапештѣ русскихъ плѣнныхъ, по словамъ старшаго унтеръ-офицера 1-го Сибирскаго стрѣлковаго полка Николая Федорова Мищенко, послали на работу на желѣзо-дѣлательный заводъ. Увидя, что на этомъ заводѣ между прочимъ изготовляются снаряды для австрійской арміи, плѣнные отказались отъ работы и за это подверглись подвѣшиванію къ столбамъ и избіенію палками. Самъ рассказчикъ этого случая Мищенко былъ въ теченіе восемнадцати дней ежедневно подвѣшиваемъ къ столбу. Мѣры, принимаемыя австрійцами не имѣли успѣха и число отказывающихся отъ работъ ежедневно возросло. Прибывшій въ лагерь генераль, чехъ по національности, вынужденъ былъ сдѣлать распоряженіе о переводѣ большинства плѣнныхъ въ другіе лагеря. Послѣ отъѣзда генерала началась дикая расправа съ тѣми, которыхъ администрація лагеря считала зачинщиками беспорядковъ: двадцать человекъ было исколото штыками, изъ которыхъ восемь умерло.

Старшій унтеръ-офицеръ 13-го Бѣлозерскаго полка Григорій Трофимовъ Торошинъ, въ числѣ пятисотъ плѣнныхъ, былъ отправленъ въ Кобленцъ на заводъ, снабжавшій германскую армію орудіями и снарядами. Торошинъ категорически отказался принять участіе въ заводскихъ работахъ и заявилъ коменданту о незаконности такого требованія. Комендантъ изругалъ Торошина и въ наказаніе поставилъ на пять часовъ въ холодную воду. Торошинъ безропотно вынесъ наказаніе, но продолжалъ упорствовать. Увѣренія коменданта, что другіе русскіе плѣнные исполняютъ всѣ поручаемыя имъ работы, не сломили рѣшимости Торошина даже тогда, когда онъ, по приказанію коменданта, былъ доставленъ на ближайшій заводъ Круппа, гдѣ въ дѣйствительности засталъ за работой

плѣнныхъ русскихъ нижнихъ чиновъ. Торошинъ вновь заявилъ коменданту, что изготовлять снаряды для вражеской арміи онъ считаетъ измѣной Россіи и предпочтетъ умереть, чѣмъ сдѣлаться измѣнникомъ. За это заявленіе Торошина ежедневно на нѣсколько часовъ подвѣшивали къ столбу и били прикладами, пока ему не удалось бѣжать изъ плѣна.

Въ городѣ Форель на гранатовый заводъ было прислано двадцать плѣнныхъ нижнихъ чиновъ и за отказъ отъ работъ ихъ лишили пищи, ежедневно заставляли бѣгать по плацу до полного истощенія, а падавшихъ отъ усталости избивали палками и прикладами. Нѣсколько дней плѣнные выдерживали это испытаніе, но обезсиленные голодомъ—сдались. Лишь пять человѣкъ продолжали упорно отказываться отъ работъ, за что были безжалостно избиты и посажены подъ арестъ въ холодный, сырой подвалъ. Черезъ нѣсколько дней къ арестованнымъ вошли пять германскихъ солдатъ съ револьверами въ рукахъ и подъ угрозою немедленнымъ разстрѣломъ заставили подчиниться приказанію выйти на работу. Объ изложенномъ случаѣ сообщили пережившіе эти тяжелые дни, бѣжавшіе нынѣ изъ плѣна, рядовые 86 Вильманстрандскаго полка Леонтій Ивановъ Бойковъ и 24 Сибирскаго стрѣлковаго полка Иванъ Ивановъ Рожковъ.

По словамъ рядового 20 стрѣлковаго полка Гавріила Самсонова Аксенко, онъ съ партіей плѣнныхъ былъ высланъ изъ лагеря Ванъ на патронный заводъ. Аксенко и два его товарища не только отказались отъ работъ, но энергично уговаривали и другихъ плѣнныхъ послѣдовать ихъ примѣру. За это Аксенко былъ раздѣтъ до рубахи и выставленъ «смирно» на 12 часовъ на заводскомъ дворѣ, не смотря на холодъ и падавшій снѣгъ. Вечеромъ Аксенко былъ взятъ подъ арестъ и лишенъ пищи. Видя, что никакія мѣры не могутъ заставить Аксенко измѣнить своему рѣшенію, германцы вернули его въ лагерь.

За отказъ отъ работъ на заводѣ Бруша плѣнныхъ подвергали самымъ разнообразнымъ истязаніямъ: ихъ били палками и прикладами, подвѣшивали къ столбамъ, лишали пищи, сажали подъ арестъ въ тѣсные, сырые и холодные подвальные карцера. Изобрѣтательность въ истязаніяхъ не знала предѣловъ.—Такъ, на примѣръ, отказавшихся отъ работъ въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ гоняли по лагерю съ мѣшкомъ песка за спиной. Въ мѣшокъ всыпали до полутора пудовъ и продолжительный, непрерывный бѣгъ съ такою тяжестью быстро утомлялъ людей и вызывалъ у нихъ обильную испарину. Въ мокрыхъ отъ пота одеждахъ плѣнныхъ вводили въ баракъ, гдѣ была приготовлена холодная, какъ ледъ, вода, которую измученные жаждой глотали съ жадностью. Послѣ этого плѣнныхъ клали ничкомъ на полъ, предварительно облитый такой-же холод-

ной водой, или на нѣсколько часовъ выставляли на сквозной вѣтеръ, который пронизывалъ ихъ и заставлялъ дрожать отъ холода. Этому грозившему смертию истязанію въ числѣ другихъ были подвергнуты допрошенные по возвращенію на родину рядовые Алексѣй Лелякинъ, Сергѣй Купріяновъ, Николай Гунько, Сергѣй Макаровъ и др.

Рядовой развѣдывательнаго отдѣленія при Штабѣ 5-й Арміи Вацлавъ Домановскій былъ взятъ въ плѣнъ во время развѣдки расположенія германскихъ войскъ. Благодаря статскому платью, въ которомъ былъ одѣтъ Домановскій, германцы не признали въ немъ русскаго солдата и какъ плѣннаго мирнаго жителя отправили въ глубь Германіи на сельскохозяйственныя работы; затѣмъ онъ поступилъ рабочимъ въ одно изъ провинціальныхъ отдѣленій завода Круппа. Здѣсь ему представилась возможность наблюдать обращеніе германцевъ съ русскими плѣнными, работавшими на заводѣ. Отношеніе было, по словамъ Домановскаго, чудовищно по своей жестокости: побои, часто имѣвшіе послѣдствіемъ полную потерю сознанія, были самымъ обычнымъ явленіемъ; плѣнныхъ забивали и на смерть. Особенною кровожадностью и безграничной жестокостью отличались мастера: Флихъ, Чумахень и Борушакъ.

Изъ лагеря Ванъ партія плѣнныхъ была выслана на заводъ, изготовлявшій снаряды для германской артиллеріи. Плѣнные отказались принять участіе въ работахъ, за что раздраженный отказомъ германскій лейтенантъ собственноручно избилъ ихъ и заперъ въ пустой сарай, предупредивъ, что они будутъ лишены свободы, хлѣба, пищи и воды до тѣхъ поръ, пока не согласятся стать на указанные имъ работы. «Невыносимыя муки голода заставили насъ покориться», говоритъ бывший въ этой партіи плѣнныхъ, нынѣ вернувшійся на родину, рядовой 30 Сибирскаго стрѣлковаго полка Иванъ Прокофьевъ Прокопенко.—

Рядового 21 Сибирскаго стрѣлковаго полка Маруцко германцы за отказъ отъ работъ на металлургическомъ заводѣ заперли въ подвалъ, въ который пустили струю удушливаго газа. Маруцко былъ извлеченъ изъ подвала уже въ безсознательномъ состояніи.

О выдающемся случаѣ жестокости германцевъ показалъ при допросѣ въ Чрезвычайной Слѣдственной Коммисіи старшій ветеринарный фельдшеръ Штаба 6-й Сибирской артиллерійской бригады Антонъ Исидоровъ Масько.

Масько въ партіи изъ 30—40 военноплѣнныхъ нижнихъ чиновъ былъ высланъ изъ лагеря Фридрихсфельдъ на заводъ Круппа. По прибытіи на мѣсто, плѣнныхъ переодѣли въ особую одежду—синія брюки съ красными лампасами и такую-же куртку съ красной полосой въ долъ спины

и поставили на работу. Когда плѣнные отказались, былъ привезенъ пулеметь, взять на прицѣлъ и выстроеннымъ въ рядъ плѣннымъ было объявлено, что въ случаѣ повторенія отказа они будутъ поголовно разстрѣляны. Безвыходность положенія заставила большинство сдаться, но Масько и еще двое плѣнныхъ остались тверды въ своемъ отказѣ. Послѣ жестокаго избіенія палками и прикладами упорствующихъ разсадили въ темныя подвальные каморки, въ которыхъ вода стояла на уровнѣ до 1½ аршинъ. Въ этой каморкѣ, лишенный возможности присѣсть хотя бы на самое незначительное время, Масько, стоя въ водѣ выше колѣнъ, провелъ безъ пищи двѣнадцать часовъ и былъ извлеченъ совершенно окоченѣвшій отъ холода почти въ безсознательномъ состояніи. Приведенному въ чувство Масько было предложено немедленно стать на работу. Отказъ подчиниться приказанію вызвалъ новые побои и новый арестъ, но уже въ другомъ, сухомъ помѣщеніи. Ежедневно Масько выводили на заводскій дворъ, ставили безъ шапки подъ открытымъ небомъ и германскіе часовые періодически подходили къ нему съ вопросомъ, согласенъ-ли онъ, послѣ всего перенесеннаго, начать работу. За отказомъ слѣдовали побои прикладомъ. Отъ частыхъ побоевъ тѣло Масько покрылось множествомъ ранъ, которыхъ однако никто не перевязывалъ и онѣ загноились. Послѣ семи дней испытаній Масько изнемогъ и былъ помѣщенъ въ особое отдѣленіе барака, гдѣ исключительно содержались изнуренные и обезсиленные голодомъ и побоями плѣнные, отказавшіеся отъ работъ.

Рядовой 13 Сибирскаго стрѣлковаго полка Николай Кондратьевъ Боковецъ былъ вмѣстѣ съ другими плѣнными отправленъ изъ лагеря Мюнденъ въ городъ Виттенъ, на снарядный заводъ. Часть плѣнныхъ, подъ вліяніемъ угрозъ, встала на работу, а отказавшихся, въ числѣ которыхъ былъ Боковецъ, подвергли разнообразнымъ мученіемъ: ихъ бросали въ глубокія ямы, въ которыхъ они едва не задохлись отъ какого-то зловонно-удушливаго газа, ставили передъ открытыми заводскими печами и держали до тѣхъ поръ, пока надѣтыя на нихъ желѣзныя колодки не накалялись отъ жары, лишали пищи, били и т. п. Одновременно германцы старались дѣйствовать и на психику плѣнныхъ: ихъ выстраивали передъ взводами германскихъ солдатъ, которые заряжали ружья на глазахъ плѣнныхъ и предупреждали послѣднихъ, что при дальнѣйшемъ отказѣ они будутъ немедленно разстрѣляны. Имъ завязывали глаза и начиналась послѣдовательная команда «разъ», «два». Плѣнные стояли въ ожиданіи неизбѣжной смерти и, крестились, слушая команду, но и послѣ команды «три» залпа не слѣдовало, и нравственно измученные люди возвращались въ баракъ до слѣдующаго очереднаго испытанія.



Германскій офицеръ, который завѣдывалъ плѣнными, не разъ убѣждалъ ихъ подчиниться, указывая, что отказомъ они подвергаютъ себя тяжкимъ и продолжительнымъ истязаніемъ.

Въ Апрѣлѣ 1915 г. тотъ-же рядовой Боковецъ былъ посланъ на работу въ шахты. Считая, что добываніе каменнаго угля для нуждъ желѣзнодорожнаго движенія и для заводовъ, работающихъ на оборону, являются работами военнаго характера, Боковецъ отказался и его примѣру послѣдовали другіе плѣнные. Отказавшихся заперли въ помѣщеніе, гдѣ они проводили цѣлые дни, стоя голыми колѣнами на рубчатомъ полу. Ъсть давали лишь столько, чтобы поддерживать жизнь. Въ жаркіе дни окна запирались наглухо, помѣщеніе непрерывно топилось, и плѣнные изнемогали отъ жары; въ холодные дни помѣщеніе совсѣмъ не отапливалось, окна и двери открывались настежь. Черезъ мѣсяцъ такой пытки большинство плѣнныхъ заболѣло и было отправлено въ ближайшій лазаретъ, остальные послѣ двухъ мѣсяцевъ и тринадцати дней невыносимыхъ страданій были возвращены въ лагерь.

Весною 1916 года рядовой 41 Селенгинскаго полка Арсеній Федоровъ Наумовъ былъ въ числѣ семидесяти плѣнныхъ русскихъ нижнихъ чиновъ отправленъ изъ лагеря Мюнстеръ въ Дюссельдорфъ на орудіиный заводъ. Наумовъ на-отрѣзъ отказался принимать участіе въ работахъ и за это былъ поставленъ противъ раскаленной заводской печи, предназначенной для закаливанія проволоки. Отъ страшной жары Наумовъ сталъ терять сознаніе. Получивъ ударъ отъ подбѣжавшаго къ нему часового, онъ упалъ на раскаленную до красна проволоку, причинивъ себѣ при паденіи глубокіе ожоги тѣла. Затѣмъ Наумовъ былъ отведенъ въ караульное помѣщеніе, гдѣ германскіе солдаты жестоко избили его, причемъ германскій унтеръ-офицеръ стискивалъ ему руками горло.

Возвращенный въ Россію инвалидъ Даніилъ Костинъ при допросѣ показалъ, что въ лазаретѣ въ городѣ Инстербургъ онъ встрѣтился съ русскимъ плѣннымъ, работавшимъ на германскомъ чугунно-литейномъ заводѣ. По словамъ этого плѣннаго германцы хотѣли заставить его принять участіе въ работахъ въ снарядовомъ отдѣленіи, а за отказъ раздѣли до гола и поставили между двумя раскаленными заводскими печами. Когда плѣнный въ изнеможеніи падалъ, его поднимали ударами приклада и вновь ставили между печами, и въ концѣ пытки голымъ выставили на нѣсколько часовъ на морозъ и затѣмъ избили до полной потери сознанія.

Работы на фронтахъ и въ тылу вражескихъ армій.

Для военныхъ работъ на фронтахъ германцы и австрійцы образуютъ изъ плѣнныхъ особые рабочіе баталіоны (Arbeitscommande), которые слѣдуютъ въ тылу каждой изъ дѣйствующихъ армій и на обязанности которыхъ лежатъ возведеніе новыхъ, исправленіе старыхъ, разрушенныхъ артиллерійскимъ огнемъ, укрѣпленій, проведеніе желѣзныхъ и шосейныхъ дорогъ, служба въ обозѣ въ качествѣ возчиковъ и нерѣдко обслуживаніе передовыхъ позицій.

Положеніе этихъ плѣнныхъ наиболѣе тяжелое. Они оторваны отъ концентраціонныхъ лагерей, къ которымъ приписаны, и поэтому не получаютъ съ родины ни писемъ, ни посылокъ. Они истомлены и физически и нравственно. Видъ этихъ плѣнныхъ, говоритъ Д-ръ Крессонъ, наблюдавшій ихъ въ Вержболово и Ковно, ужасенъ: они одѣты въ рубища, покрыты паразитами и, умирая, просятъ объ одномъ—о кускѣ хлѣба. Люди эти едва стоятъ на ногахъ, едва двигаются изнуренные непосильной работой и истощенные голодомъ. Это скелеты, обтянутые кожей, покрытые множествомъ гноящихся фурункулъ, сгорбленные, съ потухшимъ взоромъ, безразлично относящіеся ко всему, ихъ окружающему. Молодой солдатъ въ цвѣтушемъ 20—25 лѣтнемъ возрастѣ производитъ впечатлѣніе дряхлаго старика. Многіе опухаютъ отъ голода. При самой интенсивной работѣ ихъ кормятъ лишь разъ въ сутки, давая жидкую мучную похлебку съ небольшимъ кускомъ хлѣба; иные доходятъ до того, что уталаютъ нестерпимый голодъ палыми животными, вырывая ихъ изъ земли. Совершенно истощенные отсылаются въ лазареты, гдѣ большинство изъ нихъ умираютъ. Не мало ихъ гибнетъ отъ пуль и снарядовъ своихъ-же русскихъ или союзныхъ войскъ, такъ какъ ихъ стараются выставлять на самыя опасныя мѣста.

Значительное количество русскихъ плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ были бѣжавшіе изъ плѣна канониръ Новогеоргіевской крѣпостной артиллеріи Федоръ Арсеньевъ Стадниковъ и ефрейторъ 453 пѣхотнаго полка Петръ Ивановъ Медвѣдевъ, были присланы въ Остенде для возведенія бетонныхъ площадокъ подъ тяжелыя орудія. Плѣнные отказались отъ работъ, какъ имѣющихъ исключительно военное значеніе, и, не смотря на трехъ-дневное лишеніе пищи и на то, что прибывшій во главѣ двадцати вооруженныхъ германскихъ солдатъ лейтенантъ грозилъ не только безжалостнымъ избіеніемъ, но и разстрѣломъ, не измѣнили своему рѣшенію. Германскіе солдаты набросились тогда на плѣнныхъ и насильно

выгнали ихъ на работу ударами штыковъ и прикладовъ. Во время этой безчеловѣчной расправы двое плѣнныхъ было забито на смерть. По окончаніи построекъ въ Остенде та же партія была переведена на берегъ моря, гдѣ продолжительное время была занята устройствомъ такихъ же площадокъ и установленіемъ на нихъ орудій, работая подъ обстрѣломъ англійской судовой артиллеріи. Желая окончить работу въ возможной скорости, германцы не давали отдыха плѣннымъ и въ теченіе долгаго рабочаго дня поощряли ихъ ударами палокъ и нагаекъ.

Въ Октябрѣ 1915 г., какъ показалъ унтеръ-офицеръ 143 пѣхотнаго Дорогобужскаго полка Михаилъ Родіоновъ Луневъ, партія плѣнныхъ въ 480 человекъ была выслана на французскій фронтъ къ Страсбургу для военныхъ работъ. Плѣнные отказались, заявивъ, что предпочитаютъ смерть работамъ противъ нашихъ доблестныхъ союзниковъ—французовъ. За этотъ отказъ они были лишены пищи на четыре дня. На пятый день ихъ вывели изъ барака, выстроили рядами противъ трехъ пулеметовъ и предупредили, что они будутъ разстрѣляны, если по третьей командѣ не подчинятся и не станутъ на работу. Послѣ третьей команды плѣнные сняли фуражки и, крестясь, опустились на колѣни въ ожиданіи смерти. Видя, что сломить упорство плѣнныхъ невозможно, германцы перевели ихъ въ Салдау, гдѣ въ наказаніе за ослушаніе подвергли тридцати-дневному строгому аресту.

Отправленную изъ концентраціоннаго лагеря партію въ сто русскихъ плѣнныхъ привезли на французскій фронтъ и приказали возстановлять разрушенные окопы второй германской линіи. Голодомъ и побоями плѣнныхъ заставили подчиниться приказу; во время работъ снарядами французской артиллеріи было убито нѣсколько плѣнныхъ, въ томъ числѣ рядовой 4-го Капорскаго полка Василій Богдановъ. Объ этомъ случаѣ сообщилъ, при допросѣ въ Чрезвычайной Слѣдственной Коммисіи, бѣжавшій изъ плѣна доброволецъ, рядовой 1-го Кавказскаго стрѣлковаго полка Владиміръ Матвѣевъ Кудрявцевъ.

Ефрейторъ 98 Юрьевскаго полка Иванъ Андреевъ Ситниковъ показалъ при допросѣ о случаѣ германской жестокости, свидѣтелемъ-очевидцемъ котораго онъ былъ и жертвою котораго сдѣлался его однополчанинъ Карпъ Черныхъ.

Присланные въ Мець для рытья окоповъ плѣнные единодушно отказались приступить къ работамъ, заявивъ, что «не будутъ рыть могилы для своихъ братьевъ». Жестокими побоями, которыми нѣсколько человекъ были забиты на смерть, плѣнныхъ, однако, заставили подчиниться. Рядовой Карпъ Черныхъ упорствовалъ въ отказѣ даже тогда, когда его

до крови избили ременными погонами отъ винтовокъ. Окровавленнаго и избитаго почти до потери сознанія Карпа Черныхъ германцы опрокинули затѣмъ навзничъ на землю и на грудь ему положили тяжелый желѣзнодорожный рельсъ. Дыханіе несчастнаго истязуемаго отъ давившей его грудь тяжести становилось все рѣже и онъ задышался. Рельсъ былъ сброшенъ и въ ротъ едва дышавшаго человѣка была втиснута палка. Когда Черныхъ отъ новыхъ побоевъ впалъ въ безсознательное состояніе, его отнесли въ лазаретъ, гдѣ онъ черезъ нѣсколько часовъ скончался.

Работавшій по уходу за больными и ранеными въ лазаретъ въ Эгтерѣ плѣнный русскій братъ милосердія Рафаиль Бирманъ, впоследствии бѣжавшій изъ плѣна, удостовѣрилъ на допросѣ, что во время служенія въ лазаретѣ ему неоднократно приходилось оказывать помощь русскимъ плѣннымъ, получившимъ тяжелыя раненія при работахъ на итальянскомъ фронтѣ, въ непосредственной близости отъ линіи огня. По рассказамъ раненыхъ значительное количество русскихъ плѣнныхъ, подъ угрозою тяжелыхъ наказаній и разстрѣла за ослушаніе, исполняютъ разнообразныя работы и на самомъ боевомъ фронтѣ.

Изъ лагеря для военнопленныхъ въ Клейнмюнхенѣ партія плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ былъ унтеръ-офицеръ Кекегольмскаго полка Андрей Матвѣевъ Симаковъ, была спѣшно доставлена на итальянскій фронтъ, гдѣ плѣннымъ было приказано подносить къ позиціямъ снаряды и патроны. Плѣнные отказались отъ работъ и единогласно рѣшили не подчиняться приказанію врага. Австрійцы однако изобрѣли способъ принудить ихъ исполнить требуемое: они по ночамъ будили одиночныхъ плѣнныхъ, выводили ихъ изъ барака и ударами палокъ и прикладовъ заставляли носить боевые припасы.

Въ Іюні 1915 г. русскіе плѣнные, по приказанію австрійцевъ, носили на передовыя позиціи колья и проволоку для искусственныхъ загражденій. Унтеръ-офицеръ Исаковскій отказался отъ работъ и за этотъ отказъ австрійскій офицеръ, на глазахъ другихъ плѣнныхъ, выстрѣлилъ въ Исаковского изъ револьвера и ранилъ его въ ногу.

Рядовой Антонъ Семененко, возвращенный изъ плѣна какъ инвалидъ, сообщилъ при допросѣ, что въ бытность его въ лазаретѣ лагеря Альтдамъ, туда былъ доставленъ въ тяжеломъ положеніи и вскорѣ скончался рядовой одного изъ русскихъ пѣхотныхъ полковъ Илья Глушковъ. Последній въ бесѣдѣ съ Семененко рассказалъ, что былъ въ числѣ другихъ плѣнныхъ отправленъ на русскій фронтъ для рытья окоповъ. Возмущенные незаконнымъ требованіемъ врага плѣнные отказались работать и не сдавались даже тогда, когда германцы для устрашенія стали

сѣчь розгами нѣкоторыхъ изъ плѣнныхъ на глазахъ остальныхъ. Убѣдившись, что и эта мѣра не можетъ сломить упорства и заставить плѣнныхъ подчиниться, германцы вывели ихъ на площадь и здѣсь началось поголовное жестокое избіеніе палками и прикладами. Многіе были избиты до потери сознанія, многіе забиты на смерть.

Значительная по численности партія плѣнныхъ была доставлена на итальянскій фронтъ для окопныхъ работъ, доставки провіанта и снарядовъ на передовыя позиціи и для подъема на горы орудій. Плѣнные отказались отъ работъ и за это подверглись побоямъ, подвѣшиванію къ столбамъ и лишенію пищи. Видя, что указанныя мѣры воздѣйствія въ дальнѣйшемъ безцѣльны, австрійскій лейтенантъ приказалъ силою гнать плѣнныхъ на работу, а упорствующихъ тутъ-же разстрѣливать. Во исполненіе этого приказанія часть плѣнныхъ была 10 Апрѣля 1916 г. ночью выгнана изъ барака ударами палокъ и ногаекъ, пригнана къ подножію горы, гдѣ стояли орудія, и подъ страхомъ немедленнаго разстрѣла было приказано подымать орудія на высоты. Подъемъ былъ крутой и вскорѣ плѣнные, совершенно выбившіеся изъ силъ, бросили работу и направились обратно къ своему бараку. Австрійскіе конвойные открыли огонь по уходящимъ и многіе были убиты или тяжело ранены.

За отказъ отъ подвоза и подноса къ передовымъ позиціямъ австрійцевъ снарядовъ и патроновъ рядовой 48 Сибирскаго стрѣлковаго полка Николай Трофимовъ Мягенькій былъ распятъ на нарахъ и оставленъ въ такомъ положеніи на всю ночь. «Распятіе» заключалось въ томъ, что на казываемаго клали на нары съ распростертыми руками и широко раздвинутыми ногами, которыя веревками притягивались къ четыремъ, вбитымъ въ нары, гвоздямъ.

Изъ лагеря Гаммерштейнъ въ Сентябрѣ 1916 г. около 2000 плѣнныхъ было выслано къ крѣпости Верденъ для работъ по укрѣпленіямъ. Плѣнные единогласно заявили, что не приложатъ рукъ къ работамъ направленнымъ противъ союзницы Россіи и остались тверды при этомъ рѣшеніи даже тогда, когда по приказанію и въ присутствіи германскихъ офицеровъ были безжалостно избиты. Видя, что побои, какъ мѣра воздѣйствія, не имѣютъ успѣха, германцы заперли всю партію въ небольшой баракъ и объявили, что плѣнные будутъ содержаться въ немъ безвыходно, безъ пищи и воды до тѣхъ поръ, пока не выразятъ согласія стать на работу. Шесть дней, страдая отъ голода и жажды, провели плѣнные въ баракѣ, но на седьмой день, когда германскій офицеръ сталъ соблазнять ихъ сытнымъ обѣдомъ, 150 человекъ не выдержало и сдалось. Остальныхъ, не желавшихъ подчиниться, подвергли новому избіенію, про-

должавшемуся до тѣхъ поръ, пока окровавленные, искалеченные голодомъ люди не уступили предъявленному требованію.

Въ началѣ Ноября 1916 г. изъ того же лагеря плѣнные были отправлены на французскій фронтъ, гдѣ ихъ подъ ударами прикладовъ, нагаекъ и палокъ заставили рыть окопы. Вечеромъ, когда плѣнные, по окончаніи работъ, вернулись въ баракъ, германцы выдѣлили трехъ сибирскихъ стрѣлковъ, уговаривавшихъ своихъ товарищей отказаться отъ работъ, отвели ихъ на чердакъ барака и цѣпами приковали къ стѣнѣ. Очевидцу этой расправы, рядовому 151 Пятигорскаго полка Ивану Емельянову Жебурденку удалось бѣжать и дальнейшая участь прикованныхъ къ стѣнѣ стрѣлковъ ему не извѣстна.

27 Марта 1915 г., какъ удостовѣрилъ ефрейторъ 192 Рымникскаго полка Григорій Степановъ Гончаровъ, 500 русскихъ плѣнныхъ были высланы на румынскую границу, гдѣ имъ было приказано рыть окопы. Къ отказавшимся отъ работъ плѣннымъ вышелъ комендантъ, который, вызывая изъ строя cadaго десятаго, спрашивалъ его о согласіи стать на работу и всѣхъ, несогласившихся работать, отправлялъ въ городъ. Плѣнные не сомнѣвались въ томъ, что всѣ отдѣленные будутъ разстрѣлены. Остальныхъ заперли въ пустой сарай и въ теченіе сутокъ не давали никакой пищи. Видя, что голодъ не можетъ сломить плѣнныхъ, австрійцы разбили ихъ на мелкія партіи, выгнали въ поле и избили, при чемъ комендантъ съ нагайкой въ рукѣ лично принималъ участіе въ этомъ истязаніи. Избиеніе продолжалось до тѣхъ поръ, пока измученные и обезсилѣвшіе плѣнные не согласились уступить. Лишь шесть человекъ не измѣнили рѣшенію и были отдѣлены и куда то отправлены.

Рядовой 173 Каменецкаго полка Афанасій Ивановъ Стеценко былъ въ числѣ 500 человекъ высланъ изъ лагеря Эстергомъ на русскій фронтъ для военныхъ работъ. Послѣ отказа плѣнныхъ окружили германскіе солдаты и взяли ружья на изготовку. Плѣнные стали креститься, шепча молитвы, но продолжали стоять на отказѣ. Видя, что угроза немедленной смертію не можетъ заставить плѣнныхъ измѣнить своему рѣшенію, взбѣшенные австрійцы измыслили дикое издѣвательство надъ беззащитными людьми: ежедневно нѣсколько человекъ подвѣшивалось къ столбамъ, а остальныхъ, подъ ударами палокъ и нагаекъ, заставляли ползать вокругъ подвѣшанныхъ. Это издѣвательство, продолжавшееся ежедневно въ теченіе почти цѣлаго мѣсяца, не заставило плѣнниковъ отказаться отъ принятаго ими рѣшенія.

По показанію рядового 47 Сибирскаго стрѣлковаго полка Максима Макарова Елецъ партія плѣнныхъ была выслана въ концѣ Мая 1915 г.

на берегъ рѣки Санъ для военныхъ работъ. Австрійскій офицеръ, выслушавъ заявленіе плѣнныхъ, что работу ко вреду русскихъ войскъ они считаютъ измѣной присягѣ, объявилъ, что голодъ заставитъ ихъ измѣнить свое рѣшеніе и подчиниться требованію. Послѣ этого плѣннымъ выдавали лишь по $\frac{1}{8}$ фунта хлѣба въ сутки. Многіе не выдержали и послѣ нѣсколькихъ дней непосильнаго испытанія стали на работу. Болѣе стойкіе вынесли муки голода до тѣхъ поръ, пока ихъ, обезсиленныхъ, едва державшихся на ногахъ, не отправили обратно въ лагерь.

1 Октября 1915 г. рядовой 443 Харьковской пѣшей дружины Пантелеймонъ Клементьевъ Чубаненко съ партіей плѣнныхъ былъ высланъ для рытья окоповъ около гор. Митавы. За отказъ приступить къ работамъ плѣнныхъ помѣстили въ холодные вагоны и продержали въ нихъ подъ замкомъ четыре дня, лишивъ пищи. Тѣмъ не менѣе плѣнные, изнемогая отъ голода и жажды, не сдались и были переведены на постройку желѣзнодорожнаго пути.

При допросѣ въ Чрезвычайной Слѣдственной Комисіи младшій унтеръ-офицеръ 91 Двинскаго полка Степанъ Ивановъ Слезкинъ показъ, что 500 русскихъ плѣнныхъ были высланы изъ лагеря Іозефштадтъ для окопныхъ работъ подъ Бѣлградомъ. За отказъ приступить къ работамъ плѣнныхъ раздѣли до рубахъ и, не смотря на значительный холодъ, продержали всю ночь (подъ Новый годъ) въ полѣ «смирно». Когда это истязаніе не сломило упорства плѣнныхъ, ихъ въ тѣхъ же рубахахъ вывели въ лѣсъ и стали поочередно подвѣшивать къ деревьямъ, добиваясь согласія стать на работу. Убѣдившись въ безрезультатности и этой второй попытки, австрійцы отдѣлили сорокъ человекъ, разложили ихъ на землѣ и стали бить палками по оголенному задъ. Многіе послѣ этого заболѣли и какъ неспособные къ работѣ были отосланы въ лазаретъ, остальные стали на работу.

Рядовой изъ вольноопредѣляющихся, дворянинъ Василій Ивановъ Вошинскій черезъ двѣ недѣли послѣ плѣненія былъ отправленъ въ лагерь Книттенфельдъ-Штирмаркъ, гдѣ, благодаря знанію нѣмецкаго языка и медицины, былъ причисленъ къ амбулаторіи госпиталя и исполнялъ обязанности «медика». Вошинскому часто приходилось оказывать помощь военноплѣннымъ русскимъ, возвращавшимся съ итальянскаго фронта, гдѣ ихъ заставляли проводить шоссе, строить желѣзныя дороги, рвать скалы, устраивать искусственныя загражденія, рыть окопы и подносить провіантъ и снаряды на передовыя позиціи австрійцевъ. Возвращались наши военноплѣнные съ разнообразными внутренними заболѣваніями на почвѣ истощенія или съ травматическими поврежденіями, полученными

на работахъ. Насколько близко отъ линіи огня заставляли работать русскихъ плѣнныхъ, можно судить по тому, что нерѣдко въ лазаретъ доставлялись раненные итальянскими ружейными пулями.

3 Сентября 1915 г. изъ лагеря Терезіенштадтъ была выслана партія плѣнныхъ и доставлена на итальянскій фронтъ, гдѣ плѣннымъ были выданы инструменты для рытья окоповъ. Въ виду отказа плѣнныхъ австрійскій офицеръ велѣлъ подвѣсить одного изъ нихъ на глазахъ остальныхъ и предупредилъ, что въ случаѣ дальнѣйшаго отказа такая же участь постигнетъ всѣхъ. Подвѣшаннаго держали у столба до тѣхъ поръ, пока онъ не лишился сознанія, и тѣмъ не менѣе плѣнные не измѣнили своего рѣшенія и категорически отказались рыть окопы.

Младшій унтеръ-офицеръ 237 Грайворонскаго полка Калиникъ Варфоломѣевъ Слиденко былъ въ числѣ тысячи другихъ отправленъ на работу въ Темишваръ. Здѣсь, по словамъ Слиденко, плѣнные были разбиты на отдѣльныя партіи по тридцати человѣкъ въ каждой, выведены въ поле и имъ было приказано рыть окопы. Несмотря на угрозу немедленнымъ разстрѣломъ, въ случаѣ отказа отъ работъ, плѣнные бросили лопаты. Ни предупрежденія, ни угрозы не помогли. Тогда ослушниковъ отвели въ сарай и продержали двое сутокъ безъ пищи и питья и на третій день вновь вывели въ поле для работы. Въ виду новаго отказа, десять унтеръ-офицеровъ были передъ фронтомъ плѣнныхъ высѣчены розгами настолько жестоко, что одинъ изъ нихъ тутъ же скончался. Приведенные въ ужасъ плѣнные уступили требованію и встали на работу.

30 Юня 1915 г. большая партія плѣнныхъ была доставлена въ Галицію, въ мѣстечко Рудникъ, близъ Сана. Прежде всего плѣннымъ, по прибытіи ихъ на мѣсто, дали нѣсколько дней полного отдыха, а затѣмъ было приступлено къ постройкѣ бараковъ, въ которыхъ они должны были проводить ночи. Такое непривычно доброжелательное отношеніе къ плѣннымъ вызвало у послѣднихъ немалое удивленіе, которое возросло, когда стали выдавать прекрасную по качеству и обильную пищу. «Хлѣба и мяса давали вдоволь», говоритъ младшій унтеръ-офицеръ 173 Каменецкаго полка Ефимъ Дмитріевъ. Вскорѣ однако дѣло разъяснилось: плѣннымъ приказали рыть окопы противъ расположеній русскихъ войскъ. Послѣ категорическаго отказа австрійцы стали грозить разстрѣломъ и лишили плѣнныхъ пищи. Плѣнные твердо рѣшили умереть, но не подчиниться требованіямъ врага. Послѣ нѣсколькихъ дней голоданія, безропотно перенесенныхъ, австрійцы перевели плѣнныхъ на итальянскую границу, гдѣ примѣнили ихъ трудъ на работахъ по прокладкѣ желѣзной дороги.